

Геннадий Васильев

Господь нам дал терпение и веру

К картине Юлии Ивановой
«Два ангела»

1
Фонари темноту стерегут, как псы.
Темнота, как тесто, густа.
Если только не врут на стене часы,
я уже досчитал до ста.

Не уснуть. Гляжу в темноту, незряч,
и подушка давит углом.
Ну а ты усни. И во сне не плачь.
Я укрою тебя крылом.

2
Под маслом холст не искажил черты,
и масло не осыпалось порошею.
У этого посланца Высоты —
глаза твои. Твоя слеза — горошиной.

Не плачь, мой ангел. Слезы — не броня.
Что наши беды? Их невнятен лепет.
Ты так хранишь, так бережёшь меня!
Я слышу крыльев треугольный трепет.

3
По роще, по чаще, по лугу!
Не сеять, не жать, не косить!
Мы продали душу друг другу —
а плату забыли спросить.

Распахнуты настезь постели!
И вольтовы дуги — в дугу!
Два ангела, два подмастерья
друг друга — для нас — берегут.

● ● ●
Невесело, мой друг. Увы, невесело.
Искусство жить становится трудом.
Вороний окрик, пёсий лай — не песня ли?
Прозрачный воздух приторно-медов.

Застыло солнце в небесах навтыжку.
В алмазный крик срывается река.
Петляет время. Вынести бы. Выдержать.
Петля смугла. Недостаёт крюка.

14 декабря 1825 года

Декабрист

Белый свет мне так дорог, что судьи мои мне — не судьи.
Кандалы мне — как чётки. Иконой — слепое окно.
Мне суют мою пайку в помятой казённой посуде.
Я ищу уравнение между «дано» и «равно».

На тюремной стене не оставить послание другу,
а оставишь — едва ли он будет посланию рад.
Я ночами не сплю. Я гоню свои мысли по кругу,
но действительность круг обращает в тюремный квадрат.

Моя участь известна. Петли на меня не хватило.
Не достало верёвки, чтоб шею удавкой обнять.
И глядит на меня сквозь решётку слепое светило,
будто силясь помочь мне «дано» и «равно» уравнять.

Ночь кончается. Утро слепое глядит глаукомно.
У решётки удел — на квадраты зрачок расчленять.
То дано, что назначено. Что ж, уравниенья знакомо.
Знак и верен, и выверен. Мне его — не поменять.

Отъезд Лунина в Акатуй

Дорога — дрянь. Но ехать надо.
Пора, пора, невольный пилигрим.
Не то беда? Не то отрада?
Садитесь, сударь! Там поговорим.
А путь далёк, не обессудьте!
И санный скрип — чредою зим и лет.
И наших судеб наши судьи
султаны дыма нам склонят вослед.

Дорога ластит санным всхлипом.
Луна на чёрном — чайная свеча.
Вы веселы. Но как могли вы,
пером скрипя, неволить палача?
Перо скрипит, бумага терпит.
Для почитанья верен ли расчёт?
Пытает вьюга: «Страстотерпец?»
По виду — нехристь. А, поди, крещён.

Лоснятся тучи, конь измучен.
Луны — то нет, то выставит оскал.
Тебя везут. Так ты — везучий!
Могли бы дать износу башмакам.

Дорога — дрянь. Тюрьма — не лучше,
и впереди — ещё не Третий Рим.
Сед, словно лунь, силён, как лучник,
судьбу пинками катит пилигрим.

Рылеев

Свободы сладострастное вино.
Полёт картечи. Торжество булата.
Судьбы щербатой белое пятно
заполнено квадратом каземата.

Петля задушит пламенную речь
и вольной мысли страстное кружение.
Честь — не в чести. Но надобно сберечь
хотя б скупое чести отраженье.

К цепям примкнуты, взяты ль в палаши
штаб-офицер иль сочинитель оды...
Не сочиняй! Не мысли! Не пиши!
Свободы братья? Иль рабы свободы?

Пианист

Объятия неясной партитуры.
Слепая музыка. Рокочущий Steinway.
Над чёрно-белым сном клавиатуры —
порханье ангелов, скупой алмаз бровей.

Гармония скрывается не в нотах,
не в римских прописях на палевом листе.
Гармония — тяжёлая работа.
Тропа и проповедь. Служенье на кресте.

Steinway рокочет. Ангел музыки хлопочет
и топит клавиши под спудом бытия.
Как плачется! Как этот мир непрочен!
Но эта музыка! Но ангелы! Но — я!

Порхают пальцы в пламенном пассаже —
и забывают партитуры палисад.
Пиано или форте — им неважно.
Они — о Музыке. Они — о Небесах.

И Небеса от синевы весомы,
есть разве росчерком — апрельский снегопад.
Слепая Музыка. И нот весомых — сонмы.
И рокот клавиш.
И предвиденье утрат.

Я жизнь записал в порыве,
не сразу — заподлицо.
Нашли меня не в крапиве,
родился под стон птенцов

на старой сермяжной речке,
под куполом синих зим,
где сосны светлы, как свечи,
и свет их неотразим,

где пологом снежной шали
зима покрывает быт,
где с малых ногтей внушали
мне тропы моей судьбы.

Я так и хожу — по тропам.
Протаптываю, топчу...
А детство пахнет укропом.
Поставлю ему свечу.

Невыносимы по утрам шумы!
Там, под окном, стоит одна машина.
В нее садится пожилой мужчина —
и в пять утра вдруг вспоминаем мы,

что есть края, где нет таких машин
и нет мужчин таких; где правит лень,
где над людьми, что суетны и тленны,
царит нетленно марево вершин,

где облака так ангельски чисты,
что обретают форму мироздания,
где август, как весны переиздание,
подносит нам охапками цветы.

Как жили мы на фоне этих гор!
Как эти горы вечны и бесспорны!
Как ясен мир!

...С усердием упорным
сосед педалью пробует мотор.

Чем больше думаю — тем меньше понимаю.
На «потому что» не находится вопросов.
Река вскрывается и синий лёд ломает,
зелёный селезень макает нос курносый
в прореху мутную и ловит корм корявый.
Последний снег стекает в сторону апреля.
Ответ понятен. Но вопрос ещё не рядом.
Да и зачем вопрос, когда на самом деле
скрипит тропинка под ногой, теряя форму,
и день — то серый, то восторженно-прозрачный?
Вопрос таится. Он даёт ответу фору.

«Возьмите сдачу, гражданин! Возьмёте сдачу?»

Я так задумался, что отошёл от кассы.
Приход стиха сухой наличностью нарушив,
я сдачу взял, пополнив скудные запасы
бумаги гербовой в бумажнике бездушном.

Что мне мешает помириться с этим миром,
где снег — как губка? Где река пороком пахнет?
Блюдú завет: «Не сотвори себе кумира!»
Не сотворю. Сам себе — кумир, сам — пахарь.

И всё же хочется понять: ковром сминая
дырявый лёд, река кого зовёт к ответу?

Чем больше думаю, тем чётче понимаю:
ответа нет. Вопросы нет. Река — не Лета.

Нам возраст дал изящные манеры —
не верить в сон, не ворожить вранья.
Господь нам дал терпение и Веру.
Мы подставляем щёки для битья.

Давай, ударь! Замах не слишком труден.
Коснись щеки, расправив пятерик.
Мы точно знаем: праздника не будет.
Осенний лист срывается на крик.

Но мы верны терпению и Вере,
но так полны любовью неводá!
Жизнь пережить — не поле перемерять.
Глоток — не чаша. Горе — не беда.

Разглаживая серые седины,
вдыхая поминальный дым утрат,
свой путь земной пройдя за середину,
я понимаю: нет пути назад.

Уродлив мир, корыстью исковеркан.
Бессилен плач, направленный в зенит.
...Господь нам дал терпение и Веру.
И это — всё, что нас ещё хранит.

То ли крачки в волнение кричат, то ли коршуны плачут,
то ль за мухой в азарте гоняется стая стрижей,
то ли речка, по-свойски облаяв меня по-собачьи,
на камнях в перекатах стыдись своего неглиже,

вдруг воротится вспять и, натужно взревев от бессилья,
на меня, неповинного, рухнет холодной волной...
Ветер в клочья порвал облака. Или хищные крылья
так изрезали небо, грозя то чумой, то войной?

Что же делать нам, брат? Что же, друг? Что, любимая, делать?
Если лает волна, если птицы берут нас на крик?
Скоро спрячется август за месяц под номером девять.
Ничего не решит этот, в рыжих заплатах, старик.

Он поплачет над нами, поставит слезу на потоки,
в полинялое небо направит короны берёз.
Что корить его, впрочем?.. Не им ведь назначены сроки.
Птицы крик изведут. Речка станет прозрачна от слёз.